

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>.

EDN: NYRURK

В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 2021 Г.

Аннотация. Исследования в Западной, Центральной и Восточной Европе показывают, что участие в парламентских выборах структурировано по демографическим и социально-структурным основаниям — отчетливо растет с возрастом и при повышении социально-экономического статуса, отражая различия в политической подготовленности избирателей, мотивации и возможностях их мобилизации. Обсуждаются демографические и социально-структурные неравенства участия в выборах Государственной Думы 17–19 сентября 2021 г. Для выявления таких неравенств осуществлялся логистический регрессионный анализ данных репрезентативного российского опроса, выполненного по программе ISSP в 2022 г. Результаты свидетельствуют, что электоральное участие на этих выборах тесно связано с возрастом: среди младших избирателей преобладали абсентеисты, тогда как большинство старших в голосовании участвовали. Такая зависимость, как было нами установлено ранее, возникает вследствие постепенного повышения с возрастом интереса к политике и партийной идентификации и отчасти может указывать на отношения клиентелы между властью и пожилыми людьми, получившими накануне выборов заметные денежные выплаты. В согласии с теорией «ресурсы — мотивация — мобилизация» высокое образование и доходы также способствуют электоральной активности, с ней сопря-

жены и трудовая занятость, членство в профессиональных союзах, посещение религиозных служб. Кроме того, результаты подкрепляют теоретические предположения о принудительном голосовании зависимого от властей населения: работники государственного сектора экономики, особенно младших и средних возрастов, делают это заметно чаще, чем занятые в частных фирмах или вовсе не работающие. Правда, не удалось обнаружить различий между городским и сельским населением, хотя считается, что на последнее властям также легче воздействовать. Региональные сопоставления добавляют уверенности, что самые высокие официальные показатели явки в республиках Северного Кавказа, которые по опросным материалам оказываются, напротив, самыми низкими, появляются вследствие массовых махинаций со стороны их руководства.

Ключевые слова: выборы Государственной Думы 2021 г., неравенства участия в голосовании, демографические и социально-структурные различия, Международная программа социальных исследований (ISSP 2021), Россия.

Для цитирования: Сафронов В.В. Социальное структурирование участия в выборах Государственной Думы 2021 г. // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. EDN: NYRURK.

ВВЕДЕНИЕ

В кратком обзоре Исследовательской службы Европейского парламента (EPRS, European Parliamentary Research Service), опубликованном накануне выборов в Государственную Думу РФ (ГД) 2021 г., отмечается, что эти выборы и волна предшествовавших им репрессий могут считаться «последней стадией в переходе России от искаженной демократии к полноценному авторитарному государству» [11].

Общие итоги избрания ГД 2021 г. обсуждаются в докладе Фонда «Либеральная миссия»¹ [1]. Выборы состоялись 17–19 сентября 2021 г. (в Москве и еще шести городах проводился эксперимент по электронному дистанционному голосованию — ДЭГ), и, согласно официальной статистике в них приняли участие 51,7 % избирателей, а победила, как и ожидалось, партия власти — «Единая Россия» (ЕР), которая получила голоса 49,8 % избирателей. В состав ГД вошли еще четыре партии — укрепившаяся КППРФ, ослабленная ЛДПР, немного

¹ Внесен в реестр иностранных агентов.

подростающая СР, представленная в думе ранее, но также преодолевшая пятипроцентный барьер партия «Новые люди». Невысокая явка, хотя на несколько пунктов превысившая результат 2016 г., отражает, по мнению экспертов, стремление власти отстранить протестного избирателя, снизить явку в протестных регионах и одновременно добиться мобилизации административно зависимых категорий избирателей и конформистов. Этому способствовали перенос выборов на сентябрь, вялая избирательная кампания и устранение ярких оппозиционных кандидатов.

Проведенные после выборов ГД 2021 г. всероссийские опросы позволили прояснить некоторые характеристики избирателей. Согласно данным «Левада-центра»¹ [2], 55 % россиян ответили, что голосовали на выборах в Госдуму 2021 г., причем за ЕР — 38 % (а не официальные 49,8 %). Большинство задолго до начала предвыборной кампании 2021 г. знали, за какую партию будут голосовать (58 %). Доли избирателей, проголосовавших за ту или иную партию, были сходными среди занятых в государственном и негосударственном секторах. Согласно ответам опрошенных, основная мотивация голосования на выборах, намного превышающая другие мнения, — гражданский долг, о чем сообщили 57 %. Три наиболее часто встречающиеся объяснения, почему человек не участвовал в выборах, были следующими: не верю никому из политиков — 21 %, не мог (болен, в отъезде) — 17 %, результаты не зависели от моего участия — 10 %. Доминирующее число респондентов, за редкими исключениями, заявили, что не сталкивались с давлением или принуждением к участию в выборах или голосованию за определенную партию, кандидата — такого мнения придерживались 94 % (возможно, многие давали нормативные ответы). Другой опрос [3] показал, что меньше половины респондентов признают выборы 2021 г. честными (45 %), и столько же таковыми их не считают (46 %), причем позитивные мнения выражали, как правило, голосовавшие за ЕР, тогда как негативные чаще можно было встретить среди избирателей системной оппозиции, прежде всего КПРФ. Результатами выборов оказались удовлетворены 46 %, и особенно высоким этот показатель был среди избирателей ЕР, но многих они не удовлетвори-

¹ Признан иностранным агентом.

ли (40 %), особенно отдавших свой голос за Коммунистическую партию. Только 49 % ожидали после выборов перемен в нашей жизни к лучшему, причем такого мнения придерживалось опять-таки преобладающее большинство голосовавших за ЕР, но не меньше оказалось и тех, у кого не было таких ожиданий (48 %). Лишь половина (51 %) признает, что в ГД будет представлена партия, выражающая их интересы. Разделились и мнения об электронном голосовании, положительно его оценили 46 %, отрицательно — 41 %, и отмечается, с одной стороны, его удобство, а с другой — возможности фальсификации.

Изучение явки на выборы в ГД проводилось в двух основных направлениях: одно — рассмотрение региональных особенностей, а другое затрагивает проблему электоральных неравенств. Исследования первого направления были посвящены анализу завышенных показателей явки в регионах и районах страны, где вероятными были массовые фальсификации и мобилизация зависимых от властей избирателей с использованием политических машин — политических организаций, которые добиваются явки и электоральной поддержки властей, предлагая гражданам партикулярные материальные блага в обмен на их голоса (обзор этих исследований см.: [4, с. 73–79]). Подозрительно высокая явка и поддержка партии власти наблюдались прежде всего в национальных республиках и автономных областях, на селе, в государственных секторах экономики, образования и здравоохранения.

Эти факты вновь находят подтверждение при рассмотрении результатов выборов в ГД в 2021 г. на уровне избирательных участков. На эти результаты, отмечается в докладе Фонда «Либеральная миссия», оказали существенное влияние так называемые «аномальные» регионы, в которых очень высокая явка сочетается со значительным числом голосов за партию власти (около 22 регионов): «...итоговую победу ЕР в 2021 обеспечили фальсификации в “электоральных султанатах”» (в том числе в республиках Северного Кавказа и Поволжья, некоторых других регионах) [1, с. 14]. Система электронного голосования также могла способствовать фальсификации, как это и происходило в Москве.

По расчетам С. Шпилькина, 17 территорий характеризуются тотальными фальсификациями, и еще в 29 они были значительными,

так что очищенная от фальсификаций явка составляет в 2021 г. 38 % (а не объявленные 51,7 %), и за ЕР реально проголосовали 32 % (не 49,8 %) [7]. Другое проявление фальсификаций, по мнению этого аналитика, — непропорционально большой вклад в результаты ЕР сельских участков, наблюдавшийся за счет увеличения «аномальных» голосов. В одномандатных округах безусловную победу также одержала Единая Россия (88 % всех мандатов), хотя очищенный от фальсификаций уровень поддержки победителей был невысоким — его медианное значение всего лишь 33 %.

С этими заключениями согласуются и результаты другой работы, в которой с помощью статистического анализа (election forensics tests) изучалось на уровне избирательных участков распределение голосов за Единую Россию в зависимости от явки, а также различия между большими и маленькими участками. Они также свидетельствуют о систематической фальсификации — вбросах бюллетеней, отраженных завышенной явкой, а также запугивании и принуждении избирателей в малых и периферийных регионах, где инфляция голосов и явки была особенно заметной [13].

Другое важное направление изучения участия в выборах — анализ поведения избирателей, выявление электоральных неравенств (обзор можно найти в [4]). Эти исследования были нацелены на прояснение того, кто склонен участвовать в выборах, и кто их игнорирует, к каким социальным слоям относятся те и другие, каковы их взгляды и социальные отношения. Массовые опросы свидетельствуют, что основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющейся в низком интересе к политике и отчуждении от политики избирателей, не доверяющих политическим институтам и не верящим, что с помощью выборов можно добиться желательных изменений в стране. Мотивацию участия еще больше ослабляют институциональные изменения контекста выборов, осуществляемые властями с целью устранения реальной политической оппозиции.

Согласно нашему исследованию поведения избирателей на выборах ГД в 2016 г., электоральная активность хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель «ресурсы — мотивация — мобилизация», сформулированную в исследованиях западных демократий [5]. Эта активность

увеличивается с возрастом, снижаясь среди самых пожилых, и при повышении образовательного уровня, выше у избирателей, имеющих связи с добровольными ассоциациями. Важную роль играют политические мотивации, побуждая к участию людей, интересующихся политикой, уверенных в открытости политической системы влиянию граждан и доверяющих ГД. Но самый сильный фактор — партийная идентификация: голосовать ходят те, кто способен выделить среди политических партий близкую организацию. Кроме того, в нашей стране повышенное участие в думских выборах было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управленческих структур, что может служить подтверждением концепции о мобилизации властями зависимого населения.

Поведение наших сограждан на выборах ГД 2021 г. и электоральные неравенства остаются недостаточно изученными. В настоящей работе предполагается внести некоторую ясность в вопрос о социальном структурировании участия в этих думских выборах, а также еще раз проверить предположения о завышенной явке зависимого от властей населения и поддержке им партии власти.

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предшествующие исследования продемонстрировали, что в западных демократиях, Центральной и Восточной Европе, а также России на парламентских выборах проявляются социальные неравенства электоральной активности. Она заметно повышается в старших возрастах и при более высоком социально-экономическом статусе, что объясняется теоретическими представлениями о важности индивидуальных ресурсов, мотивации и возможностей мобилизации. Изучение российских выборов поставило также вопрос о повышении явки вследствие воздействия властей на зависимых от них избирателей — пожилых людей, сельских жителей, работников связанного с государством сектора экономики, а также жителей регионов с наиболее авторитарным правлением. В настоящей работе предполагается дальнейшее изучение таких электоральных неравенств в нашей стране с использованием опросных сведений о голосовании на последних выборах Государственной Думы (ГД) 17–19 сентября 2021 г.

В представленном анализе используются социологические данные, собранные вскоре после выборов ГД (в начале 2022 г.) в ходе репрезентативного опроса российского населения, выполненного по Международной программе социальных исследований (International Social Survey Programme 2021 [10]). В опросе участвовали граждане в возрасте от 18 лет, их общее число в выборке — 1597 человек.

Во время интервью респондентов спрашивали: «Голосовали ли вы на выборах в Государственную Думу России в сентябре 2021 года?». «Да» ответили 49 %, «нет» — 51 %, так что явка по этим данным очень близка к показателю статистики ЦИК — 51,7 %. В опросе «Левада-Центра», считающегося иностранным агентом, как уже было указано, об участии сообщили 55 %. Опросные значения участия незначительно отличаются от официальной цифры, однако, учитывая, что эти значения, как свидетельствуют специальные исследования [8; 12], обычно заметно превышают избирательную статистику (на 10 пунктов и более вследствие избыточного представительства в выборке голосующих граждан и нормативно желательных ответов со стороны тех, кто в действительности не голосовал), можно ожидать, что и объявленная явка на выборах ГД 2021 г. является завышенной (по мнению С. Шпилькина, напомним, 38 %).

Неравенства электорального участия рассматривались с учетом основных характеристик социальной демографии опрошенных. Среди них пол и возраст, представленный семью категориями (18–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65, 66–75 и старше 75 лет). Для измерения социального статуса использовались различия по образованию (согласно обзорам, оно является наиболее важной статусной переменной, определяющей избирательную активность), поскольку невысокие показатели встречаются редко, исходное разбиение было укрупнено до четырех достаточно наполненных градаций: ниже среднего образования; среднее (школа или ПТУ с соответствующим аттестатом), среднее продвинутого уровня (техникум, колледж) и высшее (учитывались и прouчившиеся в вузе не менее трех курсов). Место жительства респондентов фиксировалось четырьмя позициями — крупный город, пригороды большого города, небольшой город и сельская местность. Вовлеченность индивидов в сети социальных отношений, которые могут способствовать их мобилизации на выборы, учитывалась по

признакам наличия супруга или партнера, членства в профсоюзах (никогда не состояли, прежде состояли, состояли во время интервью), а также частоты посещения религиозных служб, представленной четырьмя уровнями (никогда не посещают, не чаще раза в год, несколько раз в год, не реже одного раза в месяц — градации укрупнены, поскольку лишь немногие делают это достаточно регулярно). Еще одна важная независимая переменная — сектор экономики, в котором занят работник: те, у кого работа была в государственной, бюджетной сфере, противопоставляются избирателям, на которых властям труднее оказать давление, — из частного сектора или вовсе не работающих. Наконец, респонденты различались в зависимости от макрорегиона, в котором они голосовали, — учитывались 11 позиций: Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Черноземный, Волжский, Северо-Кавказский (в Чечне опрос не проводился), Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный.

Дескриптивная статистика для охарактеризованных переменных представлена в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

Дескриптивная статистика для изучавшихся переменных*Descriptive statistics for the variables studied*

Переменные	N	%	Переменные	N	%
Выборы ГД	1589		Образование	1597	
Не участвовали	804	51	Ниже среднего	139	9
Участвовали	786	49	Среднее: школа, ПТУ	339	21
Регион	1597		Среднее: техникум, колледж	652	41
Север	39	3	Высшее, не менее 3 курсов	468	29
Северо-Запад	117	7	Работа, сектор экономики	1586	
Дальний Восток	57	4	Частный	623	39
Волго-Вятский	91	6	Государственный, публичный	259	16
Черноземный	212	13	Не работают	704	45
Волжский	85	5	Членство в профсоюзах	1590	
Северный Кавказ	221	14	Никогда не состояли	818	51

Завершение табл. 1

Переменные	N	%	Переменные	N	%
Урал	213	13	Ранее состояли	633	40
Западная Сибирь	169	11	Состоят	140	9
Восточная Сибирь	84	5	Наличие супруга, партнера	1597	
Центральный	309	19	Нет	907	57
Пол	1597		Есть	690	43
Женщины	876	55	Место жительства	1597	
Мужчины	721	45	Крупный город	801	50
Возраст	1597		Пригороды крупного города	46	3
18–25 лет	203	13	Небольшой город	470	29
26–35	248	15	Село	280	18
36–45	357	22	Посещение религиозных служб		
46–55	267	17	Никогда	779	49
56–65	311	19	Не чаще 1 раза в год	299	19
66–75	169	11	Несколько раз в год	269	17
76+ лет	42	3	Не реже 1 раза в месяц	245	15

Неравенства участия в выборах ГД 2021 г. изучались с помощью логистического регрессионного анализа, в котором зависимая переменная — это дихотомия, разделяющая абсентеистов (градация «0») и голосующих (градация «1»), а независимые переменные включались тремя дополняющими друг друга блоками, как это будет показано ниже. При этом использовались «веса» — коэффициенты, устраняющие отклонения выборочной социальной демографии от статистики, характеризующей взрослое население России (переменная *post-stratification weight*, представленная в массиве данных ISSP).

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ГД 2021 г.: СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Результаты, полученные в логистических регрессиях, представлены в таблице 2 тремя решениями. Модель 1 позволяет оценить неравенства участия в выборах ГД 2021 г., обусловленные демографическими характеристиками опрошенных и их образованием.

Таблица 2 (Table 2)

**Демографическое и социальное структурирование участия
в выборах ГД 2021 г.**

*Demographic and social structuring of participation
in the 2021 State Duma elections*

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	МОДЕЛЬ 1	МОДЕЛЬ 2	МОДЕЛЬ 3
Константа	-0.66***	0.51	0.08
Пол (Ж=0, М=1)	-0.20	-0.13	-0.11
Возраст			
18–25 лет (референтная)			
26–35	0.58**	0.48*	0.50*
36–45	0.87***	0.59**	0.59**
46–55	0.95***	0.49*	0.43
56–65	1.51***	0.90***	0.95***
66–75	2.31***	1.62***	1.77***
76+ лет	2.92***	2.39***	2.49***
Образование			
Ниже среднего	-0.96***	-0.83***	-0.80***
Среднее: школа, ПТУ	-0.56***	-0.47**	-0.43**
Среднее: техникум, колледж	-0.30*	-0.33*	-0.31*
Высшее (референтная)			
Членство в профсоюзах			
Состоят (референтная)			
Ранее состояли		-0.48*	-0.18*
Никогда не состояли		-1.19***	-0.85***
Наличие супруга, партнера (нет=0, есть=1)		0.30**	0.28*
Посещение религиозных служб			
Не реже 1 раза в месяц (референтная)			
Несколько раз в год		0.18	0.24
Не чаще 1 раза в год		-0.17	-0.11

Завершение табл. 2

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	МОДЕЛЬ 1	МОДЕЛЬ 2	МОДЕЛЬ 3
Никогда		-0.37*	-0.36*
Место жительства: село			0.09
Работа в госсекторе экономики			0.77***
Nagelkerke	0.15	0.20	0.22
N	1590	1578	1567

Примечание. Приведены коэффициенты, полученные в логистических регрессиях.

Note: The coefficients obtained in logistic regressions are presented.

Модель показывает, что различия электоральной активности между мужчинами и женщинами были несущественными. В соответствии с теоретическими ожиданиями обнаруживаются сильные расхождения этой активности между возрастными категориями. Согласно представленным коэффициентам, по сравнению с самыми младшими респондентами в каждом последующем возрастном срезе все больше становится доля тех, кто ходил на выборы. Эту зависимость иллюстрирует рисунок 1. Если среди молодых людей (18–25 лет) проголосовали лишь четверть опрошенных, то с повышением возраста этот показатель неуклонно возрастает, достигая у 56–65-летних значения в 60 %, а у тех, кому 66–75 лет, — 77 % (среди немногочисленных представителей самых пожилых эта доля была еще больше — 85 %).

Как показал наш анализ поведения избирателей на предшествующих выборах ГД в 2016 г. [6], рост электоральной активности к старшим возрастам можно отчасти объяснить повышением у людей интереса к политике и укреплением партийной идентификации, которые развиваются при продвижении по этапам жизненного цикла вследствие появления в жизни людей проблем, зависящих от властных решений. В то же время такое объяснение не является исчерпывающим. Не исключено, что резкое нарастание явки в старших возрастных категориях, как это представлено на рисунке 1, связано также с патрон-клиентскими отношениями между властями и пожилыми людьми, получившими заметные денежные выплаты перед выборами (многие из них и голосуют за партию власти).

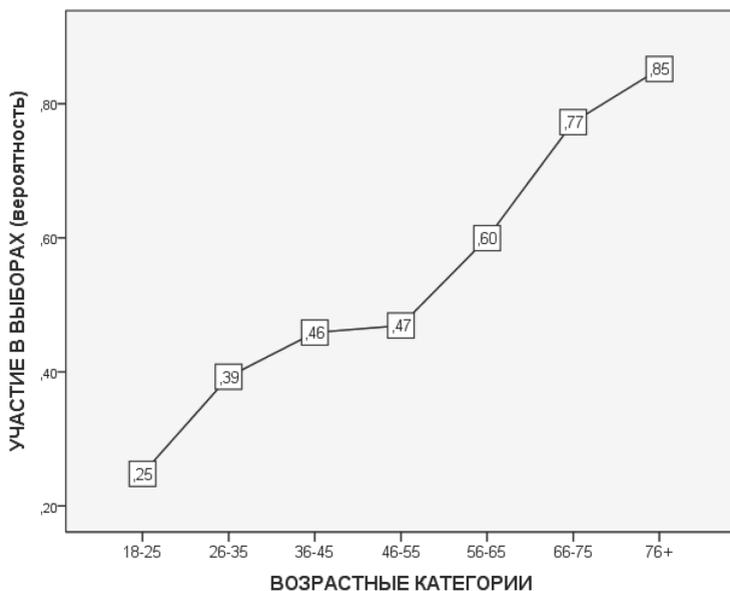

Рис. 1. (Fig. 1). Голосование на выборах ГД 2021 г.: возрастные особенности
Voting in the 2021 State Duma elections: age characteristics

Примечание. Рисунок построен по регрессионному уравнению с контролем пола и образования

Note: The figure is based on a regression equation controlling for gender and education.

Подтверждается и теоретическое положение о важности ресурсного обеспечения — политической подготовленности избирателя, связанной с более высоким образованием. Регрессионные коэффициенты в модели 1 действительно свидетельствуют о постепенном снижении активности на выборах по мере продвижения по уровням образовательной структуры от самого высокого к самому низкому. График, свидетельствующий о таком снижении по вероятным долям участия в выборах представителей четырех образовательных категорий, приведен на рисунке 2. Показатель явки для респондентов с высшим образованием составляет 56 %, со средним специальным образованием (техникум или колледж) — 50 %, тогда как при общем среднем он равняется 44 %, а среди тех, у кого образование было неполным средним, — 36 %.

Значение для электоральной активности социальных связей рассматривается в модели 2. Независимые переменные социальной демографии были дополнены в ней еще тремя признаками — есть ли у опрошенных супруг, партнер, связаны ли они с профсоюзами и часто ли посещают религиозные службы. Включение их в уравнение регрессии заметно улучшает объяснительные возможности модели (по показателю Nagelkerke, который увеличивается с 0.15 до 0.20), причем это происходит главным образом за счет переменной, фиксирующей связи с профсоюзами: в голосовании приняли участие 69 % тех, кто сообщил о своем членстве в такой организации (они составляют скромное меньшинство в выборке), и лишь 34 % респондентов, никогда в них не состоявших. Профсоюзы, вероятно, способны осуще-

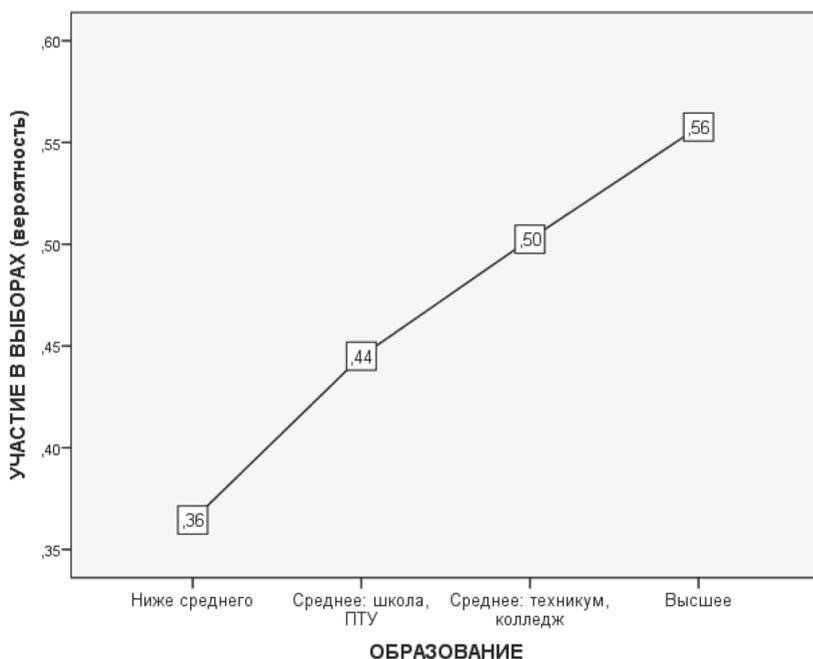

Рис. 2. (Fig. 2). Голосование на выборах ГД 2021 г.: различия по образованию
Voting in the 2021 State Duma elections: differences by education

Примечание. Рисунок построен по регрессионному уравнению с контролем пола и возраста

Note: The figure is based on the regression equation with control for gender and age.

ствлять мобилизацию избирателей, хотя тот факт, что высокий процент участия характеризует не только их членов, но и тех, кто состоял в профессиональной организации прежде, указывает на возможность иной интерпретации, предполагающей активную общественную позицию таких людей, объясняющей и их отношения с профсоюзами, и избирательную активность. Два других индикатора социальной вовлеченности связаны с участием в голосовании довольно слабо, хотя статистически значимо (его вероятность немного выше у тех, кто живет с супругом или партнером, а также она чуть ниже, если человек никогда не посещает религиозные службы).

В модели 3 проверялись предположения о более активном участии в выборах зависимых от властей избирателей. Набор независимых переменных был дополнен еще двумя показателями, один из которых отделяет городских жителей от сельских (считается, что у властей больше рычагов давления на последних), а другой — работников государственного сектора экономики от частного и неработающих людей. Вопреки ожиданиям, активность избирателей в городах мало отличалась от поведения на выборах сельского населения (различия были статистически незначимыми и при учете более дробного деления места жительства — на крупный город, его пригороды, небольшой город и село).

Признак занятости в государственном секторе экономики играет ожидаемую роль в объяснении того, кто ходил на думские выборы, и кто этого не делал (Nagelkerke становится равным 0.22). Явка была заметно выше среди тех, кто работал в этом секторе, по сравнению с работниками частных фирм или неработающими людьми. Причем эти различия электоральной активности зависят от возраста — об этом говорят результаты логистической регрессии, в которой учитывалась интеракция между переменными возраста (измеренного в годах) и сектора занятости. В наглядном виде эта интеракция представлена на рисунке 3 (анализ проводился с помощью программы Process, см.: [9]). На нем видно, что работа в государственном экономическом сегменте понуждает даже наиболее пассивных граждан младших возрастов ходить на выборы: если среди респондентов в возрасте около 30 лет, занятых в частном секторе или неработающих, в выборах участвовали всего лишь 26 %, то в рядах работающих в государственном

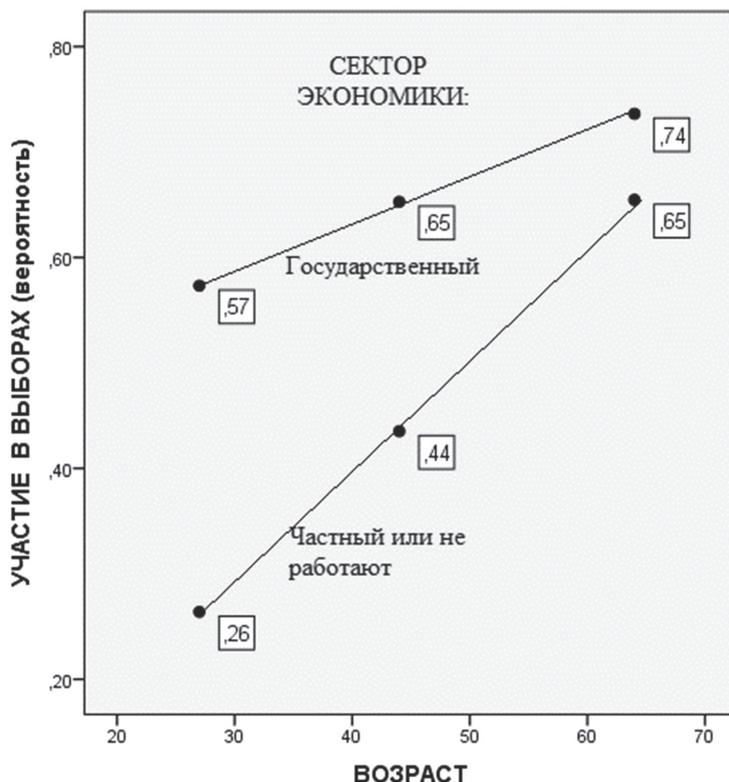

Рис. 3. (Fig. 3). Электоральное участие работников государственного сектора экономики: возрастные особенности

Electoral participation of public sector workers: age characteristics

Примечание. Рисунок построен по уравнению логистической регрессии с контролем пола и образования. Точки соответствуют 16 %, 50 % и 84 % перцентильям возрастных различий.

Note: The figure is constructed using the logistic regression equation controlling for gender and education. The dots correspond to the 16%, 50%, and 84% percentiles of age differences.

секторе их было 57 %. Значительный разрыв наблюдается и в средних возрастах — 44 и 65 % соответственно, тогда как в старших он становится совсем небольшим (различие в 9 процентных пунктов). Эти результаты подкрепляют предположение о мобилизации властями зависимых от них избирателей.

Явка на выборы в России сильно отличается в разных частях страны. В докладе Фонда «Либеральная миссия» отмечается: «Есть группа регионов, ядром которой являются ряд национальных регионов Северного Кавказа и Поволжья с жестко авторитарными региональными политическими режимами, в которых власти всегда объявляют о сверхвысокой явке (часто 80–90 %) и столь же высоком проценте от этой явки за партию власти. По мнению независимых электоральных экспертов, а также оппозиции, в реальности в этих регионах явка мало отличается от других и имеют место массовые фальсификации» [1, с. 2]. В самом деле, добавление в наших регрессиях к независимым переменным признака региональной принадлежности показывает (решение не приводится), что явка была сходной в разных частях России, колеблясь вокруг пятидесятипроцентного значения. Но есть и два статистически значимых исключения. Одно из них — невысокий показатель участия на Северо-Западе (42 %), а другое — самая низкая явка, вопреки официальной статистике и предположению об авторитарном давлении на избирателей, оказалась на Северном Кавказе (37 %). Хотя в общероссийской выборке представленность регионов может быть нерепрезентативной для их населения, очень большое расхождение официального и опросного значений явки на Северном Кавказе указывает, что республиканские власти, скорее всего, не столько принуждают избирателей к голосованию, сколько фальсифицируют его результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Равенство участия граждан в избрании властей — один из основополагающих принципов демократического правления, не всегда, однако, соблюдающийся в реальной политической жизни. В западных демократиях большая часть избирателей, как правило, голосуют во время проведения общенациональных выборов, однако они не представляют адекватным образом всех граждан страны, поскольку вероятность участия представителей разных социальных страт неодинакова. Многочисленные исследования в этих странах показывают, что социально-экономический статус, особенно образование, является одним из ключевых факторов, определяющих электоральное поведение, — с его повышением растет вероятность участия индивида в го-

лосовании. Нарастанию этой вероятности способствует и возраст, отражающий смену этапов жизненного цикла со все большей значимостью для людей принимаемых политических решений. Эти структурные различия связаны в свою очередь с мотивационными факторами электоральной активности — интересом человека к политике и чувством гражданского долга, а также с его вовлеченностью в сети социальных взаимодействий, облегчающей мобилизацию. Такие неравенства и зависимости характеризуют также поведение избирателей в странах Центральной и Восточной Европы, хотя они выражены в них с меньшей отчетливостью, чем в сложившихся демократиях.

В России проблема неравенств электорального поведения остается недостаточно изученной. Отдельные работы, посвященные предшествующим выборам в Государственную Думу, позволяют предположить, что в нашей стране также достаточно определенно проявляются социальные различия участия в выборах, которые можно рассматривать с тех же теоретических позиций, что и в других европейских странах. Еще одно объяснение различий явки в нашей стране связывает повышенные ее значения с установлением патрон-клиентских отношений между властями и избирателями, а также с прямым принуждением властями к участию в выборах. В настоящей работе осуществлялась проверка этих соображений — она посвящена проблеме социальных неравенств участия российских граждан в последних выборах Государственной Думы, проводившихся 17–19 сентября 2021 г.

Статистический анализ данных репрезентативного российского опроса, проведенного в начале 2022 г. по Международной программе социальных исследований (ISSP 2021), позволил установить, что участие в выборах ГД 2021 г. было отчетливо социально структурировано в соответствии с общими закономерностями, выявленными в развитых и посткоммунистических демократиях. Электоральное участие повышается с возрастом — если в младших категориях отчетливое большинство составляют абсентеисты, то в старших, наоборот, те, кто ходил на выборы. Оно зависит и от образования опрошенных — наименьшей доля голосующих была среди тех, у кого не было аттестата об окончании средней школы, а наибольшей — в категории респондентов с высшим образованием. Также обнаружено, что избирательной активности способствуют связи с общественными организациями

и вовлеченность в сети взаимодействия с другими людьми, особенно членство в профсоюзах, но и наличие супруга или партнера.

В исследовании проводилась проверка предположения о мобилизации на выборы зависимого от властей электората. Она не подтвердила, что сельские жители, на которых, как считается, легче надавить, ходят голосовать чаще, чем избиратели в крупных или небольших городах. В то же время в согласии с этим предположением установлено, что вероятность участия в выборах работников, занятых в государственном секторе экономики и потому зависящих от властей, заметно выше по сравнению с теми, кто работал в частном секторе или не работал вовсе. Особенно заметными такие отличия были в младших возрастах, но и в средних проявлялись достаточно определенно. Анализ свидетельствует также, что явка на выборы в макрорегионах России мало варьировала, колеблясь около 50-процентного значения. Важное исключение составляет Северный Кавказ, где она оказалась, по опросным данным, самой низкой. Согласно официальной статистике, однако, в этом регионе явка относится к разряду самых высоких в стране. Это расхождение может свидетельствовать о том, что власти в республиках региона не столько принуждают избирателей являться на участки для голосования, сколько фальсифицируют результаты выборов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник. **Телефон:** +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
25/14, 7-th Красноармейская str., 190005, St Petersburg, Russia.

SOCIAL STRUCTURING OF PARTICIPATION IN THE 2021 STATE DUMA ELECTIONS

Abstract. Studies in Western and Central-Eastern Europe show that participation in parliamentary elections is structured according to demographic and socio-structural grounds — it clearly increases with age and with increasing socio-economic status, reflecting differences in the political competence of voters, motivation and opportunities for their mobilization. The paper discusses demographic and socio-structural inequalities of participation in the elections of the State Duma on September 17–19, 2021. To identify such inequalities, a logistic regression analysis of data from a representative Russian survey conducted under the ISSP program in 2022 was carried out. The results show that electoral participation in these elections was closely related to age — absentees prevailed among the younger voters, while the majority of the older ones participated in the voting. Such dependence, as we found earlier, arises as a result of a gradual increase in interest in politics and party identification with age, and may partly indicate clientelistic relations between the government and older people who received significant cash payments on the eve of the elections. In accordance with the theory of resources-motivation-mobilization, high education and income also contribute to electoral activity. It is related to employment, membership in trade unions, and attendance at religious services. In addition, the results support theoretical assumptions about the forced voting of the population dependent on the authorities — employees of the public sector of the economy, especially younger and middle-aged, do this much more often than those employed in private firms or not at all. However, it was not possible to detect differences between urban and rural populations, although it is believed that the latter is also easier for the authorities to influence. Regional comparisons add confidence that the highest official turnout rates in the republics of the North Caucasus, which, on the contrary, turn out to be the lowest according to the survey materials, appear as a result of massive fraud on the part of their leadership.

Keywords: State Duma elections 2021, voting inequalities, demographic and socio-structural differences, International Social Survey Program (ISSP 2021), Russia.

For citation: Safronov V.V. Social structuring of participation in the 2021 State Duma elections. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Senior researcher. **Phone:** +7 (812) 316–3436. **E-mail:** vsafronov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кынев А.В. Общие итоги выборов и избирательной кампании — 2021. Фонд «Либеральная миссия», 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/12/doklad-2021-itogi-1.pdf>
Кунев А.В. *General results of the elections and election campaign 2021*. Liberal Mission Foundation, 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/12/doklad-2021-itogi-1.pdf> (In Russ.)
2. Левада-Центр. Итоги выборов. 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/>
Levada-Center. *Election results*. 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/> (In Russ.)
3. Левада-Центр. Как россияне оценивают итоги выборов? 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/06/kak-rossiyane-otsenivayut-itogi-vyborov/>
Levada-Center. *How do Russians evaluate the election results?* 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/06/kak-rossiyane-otsenivayut-itogi-vyborov/> (In Russ.)
4. Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 56–95. <https://doi.org/10.31119/re.2022.9.2.3>
Safronov V.V. Inequalities of electoral participation in Russia: A review of research in relation to Western theoretical models. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 56–95. <https://doi.org/10.31119/re.2022.9.2.3> (In Russ.)
5. Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. С. 121–169. <https://doi.org/10.31119/re.2023.10.2.6>
Safronov V.V. Participation in the State Duma elections: Social inequalities, motivations and mobilization. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 121–169. <https://doi.org/10.31119/re.2023.10.2.6> (In Russ.)
6. Сафронов В.В. Медиаторы возрастных неравенств электорального участия: интерес к политике и партийная идентификация // Петербургская социология сегодня. 2023. Вып. 22. С. 49–70. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85>
Safronov V.V. Mediators of age inequalities in electoral participation: Interest in politics and party identification. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2023. No. 22. P. 49–70. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85>. (In Russ.)

7. Шпилыкин С. Аномальные и нормальные: статистический анализ итогов думских выборов. Фонд «Либеральная миссия», 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/anomalnye-i-normalnye-statisticheskij-analiz-itogov-dumskih-vyborov>
Shpil'kin S. *Abnormal and normal: Statistical analysis of the results of the Duma elections*. Liberal Mission Foundation, 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/anomalnye-i-normalnye-statisticheskij-analiz-itogov-dumskih-vyborov> (In Russ.)
8. DeBell M., Krosnick J.A., Gera K., Yeager D.S., McDonald M.P. The turnout gap in surveys: Explanations and solutions. *Sociological Methods & Research*. 2020. Vol. 49. No. 4. P. 1133–1162. <https://doi.org/10.1177/0049124118769085>
9. Hayes A.F. *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. Third Edition. New York: The Guilford Press, 2022. 732 p.
10. ISSP Research Group. *ZA8000 International Social Survey Programme: Health and Health Care II — ISSP 2021*. ZA8000 Data file Version 1.0.0. Cologne: GESIS, 2024. <https://doi.org/10.4232/5.ZA8000.1.0.0>
11. Russell M. *Russia's 2021 elections: Another step on the road to authoritarian rule*. 2021. Accessed 07.06.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698018/EPRS_BRI\(2021\)698018_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698018/EPRS_BRI(2021)698018_EN.pdf)
12. Selb P., Munzert S. Voter overrepresentation, vote misreporting, and turnout bias in postelection surveys. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 186–196. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.11.004>
13. Thurner S., Klimek P. Election forensics of the Russia 2021 elections statistically indicate massive election fraud. *CSH (Complexity Science Hub) Policy Brief*. 2021. No. 5. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.csh.ac.at/wp-content/uploads/2023/12/2021-10-12-CSH-Policy-Brief-5-2021-Russian-Elections.pdf>